

УДК 327.54:351.852.12(73)

**ПРОМЫШЛЕННОСТЬ СССР
В ОЦЕНКАХ ЦРУ В 1947-1953 ГОДАХ**

Мамедов З.И.

В данной статье автор анализирует архивные документы ЦРУ о промышленности СССР. Хронологические рамки работы берут своё начало от основания Центрального разведывательного управления и до смерти И.В. Сталина. Источники этого периода позволяют увидеть, какие отрасли промышленности больше всего интересовали американскую разведку. Выводы, к которым пришёл автор, позволяют лучше понять представление ЦРУ о главном противнике США в первый период холодной войны.

Ключевые слова: ЦРУ, США, промышленность, СССР, холодная война.

**THE USSR INDUSTRY
IN THE CIA ESTIMATES IN 1947-1953**

Mamedov Z.I.

In this article the author analyses the archival documents of the CIA on the industry of the USSR. The chronological scope of the work originates from the founding of the Central Intelligence Agency and until the death of Joseph Stalin. The sources of this period make it possible to see which industries were the most interesting for the American intelligence. The conclusions to which the author came allow better understanding of the CIA's view of the US main enemy in the Cold War in its first period.

Keywords: CIA, USA, industry, the USSR, Cold War.

С самого своего основания главным объектом разведки и анализа ЦРУ стал Советский союз. Это было обусловлено объективными обстоятельствами, связанными с холодной войной и непримиримостью двух социально-экономических систем. Американцев интересовал противник во всех его отношениях. Внимание ЦРУ привлекало абсолютно всё. От атомного проекта

до школьных учебников, от биологического оружия до структуры пресной воды, от расходов на МГБ до гужевого транспорта. Такой всесторонний анализ происходил через призму потенциальной глобальной войны. Как показали две Мировые войны, при тотальном столкновении важно не только состояние армии и вооружение, но и стабильность политической системы, поддержка войны населением, экономический потенциал и другое. В этих условиях, оценка промышленности СССР стала одной из первостепенных задач.

В XX веке всем стало очевидно, что нефть является особым стратегическим продуктом, который влияет на международные отношения. Поэтому первой досконально изученной ЦРУ отраслью промышленности СССР стала именно нефтяная. Уже в июне 1947 года в кабинетах тогда еще Центральной разведывательной группы, которая была предтечей ЦРУ, появился документ с названием «Нефтяные ресурсы СССР» [5]. На 21 странице представлена оценка нефтяного производства СССР. Главным в документе является указание на сроки восстановления заводов и постройку новых, количественные показатели запасов, новые месторождения, качество продукта, капиталовложения, логистика и другое. Во введении сообщается, что показатели в нефтяной промышленности СССР зависят от результатов в других отраслях производства и от стратегии советского руководства. В связи с этим, авторы документа признаются в невозможности точного прогноза даже относительно пятилетнего плана. Также американская разведка видит проблемы в запутанной системе управления нефтяной промышленности СССР. ЦРУ было известно, что помимо Министерства нефтяной промышленности (Юг) и Министерства нефтяной промышленности (Восток), некоторыми месторождениями и производственными мощностями заведуют МВД и МГБ. Советские запасы нефти американская разведка оценивала в очень сильно варьирующиеся цифры от 300 миллионов до 1 миллиарда метрических тонн. Так как на все оценки накладывались военно-стратегические ориентиры, основным вопросом стали имеющиеся уязвимости в нефтяной промышленности СССР. К ним относятся разрушенная промышленность в

Баку, Майкопе, Краснодаре, Грозном; разрушенные железные дороги на Кавказе; устаревшие нефтяные танкеры в Черном и Каспийском морях; относительно маленькая глубина бурения; недостаток буровых установок; отсутствие широкого применения геофизической разведки и современных способов очистки нефти. Ссылаясь на официальную советскую статистику, американская разведка прогнозировала прирост добычи сырой нефти с 19,4 млн. метрических тонн до 35,4 млн. в период с 1945 по 1950 год [5].

До появления у СССР ядерного оружия у США была непоколебимая вера в победу в возможной Третьей Мировой войне. Поэтому их интересовали различные военные аспекты, связанные с продолжительностью предполагаемого столкновения, в котором Соединенные Штаты одержат победу. Документ под названием «Стратегическое значение для СССР завоевания Западной Европы и Ближнего Востока» характеризует показатели в добывающей промышленности, которые демонстрируют либо зависимость, либо автаркию Советского государства. В частности прогнозировалось, что на 1949 год будет произведено более 110 млн. тонн угля и 18,5 млн. тонн нерафинированной стали. Соизмеряя эти показатели со временами Второй Мировой войны, аналитики ЦРУ приходят к выводу, что СССР сможет вести напряженные бои на протяжении долгого времени. Производство меди на 1949 год ожидалось в размере 260000 тонн, цинка 135000 тонн от 155000 необходимых, свинца 150000 от 200000. Показатели этих ресурсов наряду с оловом констатируют наличие дефицита [13].

В сентябре 1951 года вышла многостраничная аналитическая записка о состоянии химической промышленности в СССР. Начинается документ с исторического экскурса о темпах развития за три пятилетних плана, послевоенном восстановлении и прогнозах на будущее в данной отрасли. Далее проводится сравнение производства бензола, толуола, ксилола, сульфата аммония, аммиака газа, каменноугольного дегтя, нафталина, фенола, антрацена, креозота в США и СССР. ЦРУ констатировало опережение американского производства на 10-40 процентов по всем показателям. Говоря о том, что в

Советском Союзе всего за пять лет был достигнут уровень довоенного производства, авторы отчета приходят к выводу о превосходстве США в возможной войне благодаря уязвимостям в количественных и качественных показателях. Из документа становится ясно об осведомленности относительно расположения основных химических заводов СССР, что делало их доступными мишенями для вражеской авиации [9].

В том же 1951 году ЦРУ оценило состояние электропромышленности в СССР. Было проанализировано развитие отрасли, начиная с открытия в 1923 году Ленинградского электролампового завода и до начала 1950-х годов. Характеризуя технологии производства, авторы документа вспоминают американско-советское сотрудничество 30-х годов, а далее и поставки по ленд-лизу. Таким образом, констатируется факт заимствования, а как постфактум – отставания, что проявляется в дороговизне советского производства относительно американского. Говоря о гражданском применении, как всегда внимание ЦРУ сконцентрировано на военных аспектах. Причём низкий спрос среди мирного населения был обусловлен высокими ценами на электрооборудование. Так по расчетам ЦРУ цена на радиоприемник в СССР составляет от 40 до 160 процентов от средней заработной платы заводского рабочего, в то время как в США этот показатель балансирует между 6 и 13 процентам. Приводя статистические данные по гражданскому производству, авторы отчета говорят о наличии у населения СССР 3,5 млн. радиоприемников, 9 млн. музыкальных проигрывателей и около 25000 телевизоров на 1950 год. Показатели по военной электропромышленности для ЦРУ были недоступны. Лишь благодаря условным расчетам делается предположение о необходимости производства 10 млн. электрических трубок на 1950 год. Их применение делилось по следующим направлениям: обслуживание военного электрооборудования; производство неконтактных взрывателей, управляемых ракет, средств радиолокации, навигационной связи и др. Разрозненное по всей стране электропромышленное производство, по мнению ЦРУ, во время потенциальной войны было бы неуязвимым. Далее в документе представлена

краткая инструкция с целью указания возможностей выведения из строя советского производства, главным образом, прекращении поставок вольфрама, молибдена, алмазов и контрольно-измерительной аппаратуры, что повлекло бы за собой спад темпов роста в этой стратегически важной отрасли в условиях холодной войны и потенциальной «горячей» [10].

Отдельно ЦРУ проанализировало производство синтетического аммиака в СССР. Стратегическое значение данного ресурса обусловлено его использованием в производстве азотных удобрений, пластмассы, холодильников, резины, красителей, медикаментах, препаратах по дезинсекции и многом другом. Аммиак используется в нефтяной и металлургической промышленности. С помощью него можно очищать воду. В отчете делается несколько выводов. Во-первых, количество производимого аммиака на 1950 год было равно 540000 тонн, что делало советскую экономику в этой отрасли самодостаточной. Во-вторых, увеличение количества производимого аммиака и перераспределение его для разработки взрывчатых веществ в ущерб удобрениям, свидетельствовало о подготовке к войне. В-третьих, заводы по производству аммиака не являются труднодоступными для нападения с воздуха. В-четвертых, экспорт аммиака в дружественные СССР государства крайне мал из-за трудности транспортировки, что делает социалистический блок слабее при потенциальном столкновении с Западом [14].

Важным источником по оценке ЦРУ советской промышленности является документ по машиностроению, который вышел на 41 листе в декабре 1951 года. В основной его части американские аналитики концентрируют своё внимание на слабостях советского станкостроения. Анализ проводится в сравнении с показателями и характеристиками данной отрасли производства в США. Так уже после XIV съезда ВКП (б) в декабре 1925 года, давшего начало ускоренной программе индустриализации, СССР взяло за основу американскую модель. Это подтверждается массовыми закупками станков, посещением большим количеством советских инженеров США, приобретением американской научной литературы и др. Вторая Мировая война привела

резкому увеличению промышленных показателей во всех отраслях. Под сильным давлением Народного комиссариата станкостроения машиностроительные заводы были вынуждены копировать станки вместо их совершенствования, тем самым ослабив достигнутые успехи 30-х годов по серийному производству в этой отрасли. Следующей слабостью советского производства, по мнению ЦРУ, являлась кадровая политика и культура производства. Превращение крестьянина в рабочего лишало заводы преемственности в производстве, в результате чего станки быстро изнашивались из-за неудовлетворительного ухода за ними. В отличие от американского и британского опыта, когда, как правило, такое производство передавалось от отца к сыну. Использование твердосплавных инструментов, с помощью которых было невозможно работать с тонкими свинцовыми нитями, усугубляло сложившуюся ситуацию. Также, авторы отчета, забыв о соцсоревнованиях и прочих методах поощрения, указывали на отсутствие конкуренции, которая могла бы улучшить ситуацию на производстве. Ко всему прочему, указывалось на слабую автоматизацию производства в СССР. В документе говорится о 101000 рабочих в СССР в сравнении с 60000 в США, задействованных в данной отрасли производства.

Сложившаяся ситуация свидетельствовала о неэффективности советского производства и большей возможности США расширить станкостроение при возможной чрезвычайной ситуации. Быстрая изнашиваемость советских станков усугублялась их слабой защищенностью от погодных условий. Большие потери оборудования, доставшегося Советскому Союзу в результате репараций, произошли во время транспортировки из Европы. Но и сохранившиеся станки были отправлены в регионы, где они были слабо интегрированы в производство. Преградой этому процессу стала отсталая универсализация, в результате которой производство осуществлялось на одноцелевых станках. Несмотря на все эти факторы, советские станки эксплуатировались гораздо дольше американских, что приводило к значительному снижению их эффективности. Резина для производства станков

импортировалась из-за границы, однако её закупки с каждым годом снижались благодаря производству собственной. Чугун, сталь, медь, свинец, подшипники, очистители, электродвигатели приводные ремни имелись в СССР в достаточном количестве. Главную же проблему, способную нанести ущерб советской экономике, аналитики ЦРУ видели в образовавшемся после войны остром дефиците иностранных комплектующих. Такая ситуация сложилась в результате поставок станков по ленд-лизу, благодаря чему станкостроение СССР было обречено на зависимость от США. Послевоенное восстановление машиностроения таким способом обходилось значительным сокращением общей инвентаризации станков [12].

Характеризуя запуск новых сталелитейных заводов в СССР, аналитики американской разведки концентрировали своё внимание на их медленном строительстве. Низкие темпы объясняются недостаточным количеством строительных материалов и трудностями их доставки на место строительства. Второй пункт связан с географическим расположением новых заводов в Сумгаите, Рустави, Темиртау, Бекабаде, Череповце и Орске. Здесь сложности также связаны с отсутствием высококвалифицированных кадров и тяжелыми последствиями войны [6].

В сентябре 1953 года вышел документ «Продовольственная промышленность в СССР» на 165 страницах. Пометка после содержания гласит, что настоящий доклад содержит информацию, имеющуюся на декабрь 1952 года. Широкий и всесторонний анализ консервной промышленности не выявил серьезных уязвимых мест. В случае войны СССР смог бы в короткие сроки обеспечить армию провизией на длительный промежуток времени. Для американцев тревожным знаком стало огромное количество консервов, отправляющихся на хранение. Аналитики считали это подготовкой к войне. Однако данный вид промышленности признавался отсталым по сравнению с американским, так как до потребителя доходила лишь небольшая часть консервированной продукции. Продовольственная промышленность признавалась уязвимой также и из-за расположения консервных заводов в

небольшом количестве районов, что было обусловлено близостью к сырьевому источнику снабжения.

В этом же документе мы наблюдаем дублирование вывода о слабой производственной культуре в СССР. Советские консервы часто оказывались бракованными, а их содержимое – испорченным. Остальные уязвимые места, связанные с транспортировкой, размером банок, хранением признаются незначительными. В случае войны крупных проблем у СССР с этой отраслью не предвиделось [11].

Разумеется, больше всего американскую разведку интересовала военная техника и связанное с ней производство. Здесь ЦРУ столкнулось с непреодолимыми проблемами. Дело в том, что источниками информации была научная литература и официальная советская пресса. Агентов ЦРУ на территории СССР, судя по всему, до самой смерти Сталина не было. Относительно правдивым источником можно считать допросы советских пленников времен Второй мировой войны. Эти данные хоть и считались самыми достоверными, однако, с каждым днём устаревали. Анализируя военные расходы СССР в послевоенные годы, констатируя их увеличение, ЦРУ не удавалось выяснить, сколько тратилось денег именно на военную промышленность [4]. На первых порах, американская разведка узнавала о успехах военной промышленности СССР на официальных парадах. В январе 1951 года появились короткие записки, в которых описывалась бронетехника и танки, прошедшие по Красной площади в честь годовщины Великой Октябрьской революции. Научной значимости, да и пользы для ЦРУ они не несли. Обширный документ по танковому производству вышел лишь в 1957 году [7].

С анализом положения в советской авиации дело обстояло чуть лучше. Уже в октябре 1952 года вышел большой отчет, целью которого было выявление слабых мест в советской авиационной промышленности. Во введении сообщалось о скудных данных в этом вопросе. Анализ промышленности проводился по моделям самолетов МиГ-15, Ту-4, Ли-12, Ли-2,

Ли-18 и Ил-2. Тщательно оценивая затраты и требования на производство двигателей и летальных аппаратов, потребление энергии, специфику материалов, аналитики ЦРУ пришли к выводу о паритете советской и американской авиационной промышленности. Однако потенциал советских заводов был значительно выше, в первую очередь, из-за возможности усиления интенсивности производства. В документе говорится о том, что в военном производстве в СССР отмечается крайне низкий уровень брака [1].

Постоянные запросы объединенного комитета Конгресса США по ядерной энергетике были связаны с мизерной информацией о советской атомной промышленности [8]. ЦРУ располагало лишь расходами на атомный проект. Так если в 1946 году СССР тратило 0,5 млрд. долларов на разработку ядерного оружия, то в 1950 году эта сумма достигла 8 млрд. долларов. Американская разведка располагала данными о производстве подводных лодок, способных доставлять ядерные ракеты типа V-1 и запускать их в режиме управления [2]. Сильной стороной атомной промышленности СССР является использование дешёвой рабочей силы, именуемой в документе как рабская. Не зная в начале 50-х годов о советской разведательной агентуре, ЦРУ уверяло американских политиков в том, что СССР в атомной промышленности активно использует немецкие наработки [4].

Из отчетов ЦРУ за 1949 год становится ясно, что американская разведка была уверена в начале разработки СССР биологического оружия в 30-е годы. Ссылаясь на неизвестный немецкий источник, авторы документа пишут о секретном исследовательском центре по разработке биологической промышленности в Куйбышеве. Руководил данной отраслью Н.Н. Гинсбург. В документе, страницы которого в большинстве своем вымараны, говорится, что химическая промышленность СССР нацелена на разработку оружия нового типа. Количественных показателей, связанных с производством биологического оружия, не указано [3].

Таким образом, анализ документов за 1947-1953 гг., в котором оценивалась промышленность СССР, позволяет сделать нам ряд выводов. ЦРУ

интересовали количественные и качественные показатели советской промышленности, потенциально влияющие на исход возможного глобального военного столкновения. Американские аналитики старались выявить уязвимые места и аспекты неэффективности производства в СССР. Американскую разведку интересовала возможность вывода из строя советских фабрик и заводов, в случае невозможности прямой бомбардировки. ЦРУ вырабатывало невоенные методы давления на СССР. Введение санкций на поставку того или иного редкого ресурса, позволяло ослабить потенциал противника. Интересно, что поставки по ленд-лизу воспринимались ЦРУ как способ поставить в зависимость промышленность и экономику разных стран, в том числе и СССР. Необходимо отметить, что ЦРУ располагало крайне скудным количеством источников информации. В результате многие выводы основывались на непроверенных слухах и дезинформации со стороны СССР. В целом, позиция ЦРУ была амбивалентной. С одной стороны промышленность СССР признавалась в разы менее эффективной, чем американская, и в случае крупного военного столкновения США легко смогли бы победить, в том числе и на производственном поприще. Первенство Америки косвенно подтверждается почти в каждом документе, в которых говорится о заимствовании технологий, закупок материалов и обучении кадрового состава со стороны СССР. Это позиция способна успокоить лиц принимающих решений в США. Однако, с другой стороны, в отчетах мы видим постоянное нагнетание обстановки и угрозы Третьей Мировой войны. Возможно, таким образом, недавно сформировавшееся разведывательное учреждение пыталось зарекомендовать перед руководителями страны. Очевидным является вывод, что при постоянной опасности войны, ЦРУ могло рассчитывать на увеличение бюджетных средств, идущих на разведку. Также стоит сказать, что источники данного периода опубликованы не в полном объеме. В связи с этим, проблематика статьи имеет потенциал для дальнейшего изучения.

Список литературы:

1. Computation of input requirements of the aircraft industry of the USSR. 31 October 1952 [Электронный ресурс] // Central Intelligence Agency [сайт]. 2018. URL: <https://goo.gl/nV4TEW> (дата обращения: 19.02.2018).
2. Estimate of USSR capabilities. 2 August 1950 [Электронный ресурс] // Central Intelligence Agency [сайт]. 2018. URL: <https://goo.gl/ZFhDpb> (дата обращения: 19.02.2018).
3. Foreign activities in the field of biological warfare (BW), DOC_0001506872. 20 April 1949. [Электронный ресурс] // Central Intelligence Agency [сайт]. 2018. URL: <https://goo.gl/q9Pmpf> (дата обращения: 19.02.2018).
4. Memorandum, Military expenditures and national income of the USSR. 26 December 1950 [Электронный ресурс] // Central Intelligence Agency [сайт]. 2018. URL: <https://goo.gl/QMoX7b> (дата обращения: 19.02.2018).
5. Petroleum resources within the USSR. 16 June 1947 [Электронный ресурс] // Central Intelligence Agency [сайт]. 2018. URL: <https://goo.gl/wWCBXz> (дата обращения: 19.02.2018).
6. Six new steel plants in the USSR. 31 March 1952 [Электронный ресурс] // Central Intelligence Agency [сайт]. 2018. URL: <https://goo.gl/C471am> (дата обращения: 19.02.2018).
7. Soviet Troops in the Panzer Kaserne of Neubrandenburg. 12 January 1951 [Электронный ресурс] // Central Intelligence Agency [сайт]. 2018. URL: <https://goo.gl/WS8Jy3> (дата обращения: 19.02.2018).
8. Status of the USSR atomic energy project an extended estimate for the joint staff plans group of the joint chiefs of staff. 24 August 1949 [Электронный ресурс] // Central Intelligence Agency [сайт]. 2018. URL: <https://goo.gl/d5uZJu> (дата обращения: 19.02.2018).
9. The coke-chemical industry in the USSR. 10 September 1951, [Электронный ресурс] // Central Intelligence Agency [сайт]. 2018. URL: <https://goo.gl/Zgq3VG> (дата обращения: 19.02.2018).

10. The electron tube industry in the USSR. 31 May 1951 [Электронный ресурс] // Central Intelligence Agency [сайт]. 2018. URL: <https://goo.gl/avuzrJ> (дата обращения: 19.02.2018).

11. The food-canning industry in the USSR. 21 September 1953 [Электронный ресурс] // Central Intelligence Agency [сайт]. 2018. URL: <https://goo.gl/nwZVvC> (дата обращения: 19.02.2018).

12. The machine tool industry in the USSR. 26 December 1951 [Электронный ресурс] // Central Intelligence Agency [сайт]. 2018. URL: <https://goo.gl/g432m2> (дата обращения: 19.02.2018).

13. The strategic value to the USSR of conquest of Western Europe and the Near. 27 October 1948 [Электронный ресурс] // Central Intelligence Agency [сайт]. 2018. URL: <https://goo.gl/kWMvFY> (дата обращения: 19.02.2018).

14. The synthetic ammonia industry in the USSR. 8 October 1951 [Электронный ресурс] // Central Intelligence Agency [сайт]. 2018. URL: <https://goo.gl/uQKPcn> (дата обращения: 19.02.2018).

Сведения об авторе:

Мамедов Заур Ималверди оглы – магистрант исторического факультета Самарского государственного социально-педагогического университета (Самара, Россия).

Data about the author:

Mamedov Zaur Imalverdi oglu – master's degree student of History Faculty, Samara State University of Social Sciences and Education (Samara, Russia).

E-mail: mamedov.zaur.1993@gmail.com.